

Повх Юлия Александровна

ФЕНОМЕН ДВОЙНИЧЕСТВА В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1990-2000-Х ГОДОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО МИФА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/9/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 9 (52). С. 134-136. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 82-3

Юлия Александровна Повх
Астраханский государственный университет

ФЕНОМЕН ДВОЙНИЧЕСТВА В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1990-2000-Х ГОДОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО МИФА[©]

Двойничество принадлежит к числу основных феноменов петербургского литературного мифа. Патриархом темы двойничества принято считать Н. Гоголя. От Гоголя эту тему унаследовал Ф. Достоевский, ставший её классиком. «Безумная идея раздвоения столицы - перенести (чего нельзя вырвать и перенести) её в призрачные болота и воздвигать там парадиз» [5] легла в основу феномена петербургского двойничества.

В научной литературе существует несколько традиций в изучении этого феномена. Ряд серьёзных исследований посвящён историческому становлению двойничества. Это работы Л. А. Абрамяна («Особенности отражения дуальной организации в праздничной мифологии», «Человек и его двойник: к вопросу об истоках близнецного культа», «Об идее двойничества по некоторым этнографическим данным»), В. Л. Махлина («К проблеме двойника (прозаика и поэма)»), Дж. Фрезера («Золотая ветвь», глава «Опасности, угрожающие душе»), О. М. Фрейдберг («Поэтика сюжета и жанра»), К. Г. Юнга («Психология бессознательного»), Е. М. Мелетинского («О литературных архетипах»), М. М. Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»), П. К. Суздалева («Врубель и Лермонтов»), С. Г. Бочарова («Загадка “Носа” и тайна лица»), Д. С. Лихачёва (в соавторстве с А. М. Панченко и Н. В. Поньрко - «Смех в древней Руси»), А. М. Панченко («Русская культура в канун петровских реформ») и других исследователей. Несомненной представляется тесная связь двойничества с дуальной структурой древних обществ и близнечными мифами.

Многие исследователи обращались к изучению феномена двойничества, но чаще всего такие попытки предпринимались в контексте творчества того или иного деятеля культуры. Теоретическое обоснование феномена двойничества представлено в работах М. М. Бахтина и В. Л. Махлина. Опираясь на концепцию «Другого» М. М. Бахтина, В. Л. Махлин интерпретирует двойничество следующим образом: Двойник - это такой «другой», который в то же время и я сам, и наоборот: это такое «я», которое само собой же не совпадает, сталкиваясь в какой-то момент с собой как «другим» вне себя. Двойник - это узнаваемый образ себя самого, который с собою никогда вполне не совпадает, как личина не совпадает с лицом [4].

Именно с позиций такого подхода проблема двойничества будет рассмотрена в настоящем исследовании: это самоотчуждение личности, расщепление её сознания на две противоположные сферы, отрицающие друг друга, внутренний разлад со своей сущностью, который персонифицируется в образе двойника, который осознаётся как реально существующий. Тот, в ком герой видит самого себя, кого он признаёт своим двойником, и определяет глубинную сущность человека. Беря за основу и сохраняя данный инвариант, петербургская проза 1990-2000-х годов существенно обогащает его многообразными значениями.

Феномен двойничества проявляется в связи с обращением современных прозаиков к внутреннему миру своих героев, к глубокому познанию их психики. Наиболее яркий и показательный в этом плане пример - роман Д. Вересова «Третья тетрадь». Неслучайно это произведение обозначено писателем как роман-отражение. Интересные отношения двойничества устанавливаются в романе между обычной петербургской девушкой Катей и Аполлиарией Суловой, роковой возлюбленной Ф. М. Достоевского. В романе связь между Суловой и её современным воплощением Катей названа связью между жертвой и посредником. Аполлиария Сулова - жертва для петербургского антиквара Даниила Даха: одна из сюжетных линий романа - поиск неизвестной биографам Достоевского тетрадь с записками Аполлиарии. Катя играет роль посредника между охотником (Дахом) и жертвой (Суловой). Попытка Кати (впоследствии сменившей имя на Аполлиария) утопиться в Неве становится отправной точкой её полного преобразования. В момент нахождения в воде Катя погружается в прошлое: «На мгновение ей вдруг увиделся другой город, на другой реке, от воды которого пахло не острой свежестью, а почему-то затхлою рыбой и прогорклою мукой» [1, с. 26]. Другой город, который был явлен Кате в её видении, - это Нижний Новгород, где до конца 1850-х годов жила Аполлиария Сулова. С этой женщиной отныне фантастическим образом будет связана жизнь Кати, и девушка, не в силах ни понять, ни объяснить множество мистических совпадений, обречена будет проживать не свою жизнь.

В отличие от ряда образов, созданных в литературе ранее, Аполлиария Сулова не персонифицируется для Кати в образе реально существующего обособленного от неё двойника. Скорее, речь идёт об инкарнации возлюбленной русского классика, о духовном двойнике. Раздвоению сознания главной героини способствует влияние дисгармонической действительности, бездушного общества, которое её окружает. Компания приятелей, в которой Катя всегда была чужой, и молодой человек, оскорбивший девушку, толкают её на попытку самоубийства. После неудавшейся попытки суицида Катя по совету гадалки меняет имя на Аполлиария, и с этого момента начинается её полное слияние со своим «двойником» Суловой. Заметим, что толчком к стремлению Кати кардинально изменить свою жизнь, отказу от собственной личности и самоотчуждению (смена имени) является ситуация её крайнего унижения, неприятия её окружением. Вспомним

героя повести Ф. М. Достоевского «Двойник»: Голядкин встречает своего двойника, возвращаясь ночью с бала, откуда его прогнали.

Основная причина раздвоения сознания Кати - неизбежность влияния прошлого на настоящее и будущее, особенно если оно зафиксировано творчески, в данном случае - литературой. «Призрачный мир прошлого, не отпускающий из своих цепких объятий настоящее» расставляет перед героиней романа множество ловушек. Встреча с антикваром Дахом только усугубляет сомнения и противоречия Аполлинии. Дома, где когда-то жил, работал, встречался с Суловой Достоевский, мистическим образом заставляют героиню переживать, чувствовать то же, что много лет назад волновало душу Аполлинии Суловой. В поисках третьей тетради с записками возлюбленного писателя Даниил Дах фиксирует все реакции и впечатления Аполлинии / Кати во время их прогулок по маршрутам Достоевского и Суловой. Эмоции девушки, которые она выражает словесно, удивительно точно совпадают с дневниковыми записями Суловой и фактами её биографии.

Двойственность самоощущения Аполлинии переживается ею очень болезненно: «А жить разорванной, вернее, постоянно рвущейся пополам оказалось мучительно и невозможно» [Там же, с. 233]. Корень страданий Аполлинии и её духовного двойника Суловой - в метаниях между «высокими требованиями и их низким воплощением». Возлюбленная Достоевского безуспешно пыталась стать писательницей, а её современная инкарнация Аполлиния всей душой стремится к славе и известности в театре, но сценический дебют девушки оказывается провальным: «Нет, творчество - это всё-таки не её планида. Из неё такая же актриса, какая из Суловой писательница» [Там же, с. 178]. Неудачи Аполлинии на актёрском поприще объясняются в романе неизбежным влиянием на судьбу девушки фактов биографии её знаменитой тёзки: «Неужели, идя сюда, он ещё на что-то надеялся? На блеск, на триумф, на то, что обычные правила игры окажутся вдруг нарушенными, и Аполлиния явится своеобразной даровитой писательницей, то бишь в данном случае - актрисой?» [Там же].

И. Д. Ермаков, исследовавший мотивы раздвоения личности героев Ф. М. Достоевского, находит причину двойственности их самоощущения в противоречии между чувством собственной недостаточности, малой ценности и желаниями, фантазиями о собственной значимости [3]. Аполлиния в романе Д. Вересова так же жаждет обрести стабильное, устраивающее её положение в обществе, но не находит с ним гармонии. Духовный двойник, так называемый внутренний близнец, возникает у девушки вследствие психологической раздвоенности личности. Она постоянно говорит о чужом голосе, звучащем в её голове: «<...> и тут вдруг я поняла, что это не моя мысль, что будто это кто-то другой за меня подумал и даже произнёс» [1, с. 145].

Говоря о теме двойничества в русской прозе, условно можно обозначить два способа её представления в художественных произведениях, намеченные Н. Гоголем и Ф. Достоевским. Двойничество в произведениях Н. Гоголя - это нарушение привычной окружающей героев обстановки, разлад во внешнем мире, смешение фантастического и реального планов повествования («Нос», «Шинель», «Невский проспект», «Портрет» и др.), тогда как у Ф. Достоевского вещественная действительность дублируется только в сознании героев («Братья Карамазовы», «Бесы», «Подросток», «Двойник» и др.).

В романе Д. Вересова «Третья тетрадь» мы наблюдаем синтетическое единство двух названных тенденций. С одной стороны, раздваивается сознание главной героини (линия Достоевского), с другой стороны, всё происходящее с Аполлинией - лишь следствие, тогда как причины извне названы вполне отчётливо: «<...> как такое могло произойти с ней самой? Она не поймёт ни тайных прихотей рока, ни внутренних закономерностей жизни, ни, вообще, всего этого столкнувшегося вихря вечно живущих обстоятельств» [Там же, с. 175].

Косвенно двойничество в романе Д. Вересова затрагивает и Даниила Даха; в этом случае мы сталкиваемся с гоголевской линией двойничества в литературе. Прошлое Петербурга, заманивающее его в свои лабиринты, рассыпающее на пути множество новых загадок и необъяснимых совпадений, не даёт антиквару ощущения цельности своей личности. Мотив зыбкости, фантазмагоричности, нечёткости петербургского пространства неоднократно повторяется в романе Д. Вересова. Именно в таком городе возможно существование двойников: «Город в эти пустынные утренние часы возвращался к своей первооснове - пустому пространству, поскольку всегда площади и улицы появлялись здесь раньше домов и людей. Жизни не было - было только воспоминание о ней.

Они шли обратно всем этим мёртвым пространством, и, <...> взглядывая на Григория, он невольно думал о том, что, быть может, идёт рядом со своим двойником - не сейчас, так в будущем» [Там же, с. 270].

Кроме того, поглощённый поисками дневников Суловой Дах, втянув в свою опасную игру Апу, ощущает на себе влияние петербургского безвременья, когда тени прошлого проявляются в жизни настоящей: «И Дах ничуть бы не удивился, вдруг встретив на углу господина невысокого роста, худого и небрежно одетого, с портфелем дрезденской кожи, который, нервно куря толстую вонючую папиросу, стоял бы здесь и не то со сладострастьем, не то с ненавистью смотрел на непотушенный свет в его, даховской, комнате...

“Шёл бы лучше редактировать свое „Время“”, - беззлобно бросил ему Дах мысленно, помня, как сам недавно тоже стоял напротив дома на Канаве.

Или встретила бы ему уже на Фонтанке компания, на двух лихачах возвращающаяся откуда-то с Линий, когда угар сомнительного развлечения уже прошёл, и остались только досада и стыд. И мелькнула бы во втором возке только-только начавшая входить в моду высокая меховая шапка певца крестьянских страданий, а с первого сверкнули бы лукавые глазки публичной девки российской словесности» [Там же, с. 186].

«Певец крестьянских страданий» - намёк на Некрасова, а под «публичной девкой российской словесности» подразумевается Панаев (эпиграмма Н. Ф. Щербини на Панаева).

Мотив зыбкости и нечёткости городского пространства («Петербург создан из сновидений» [6]) вкуче с психологической раздвоенностью личности предопределяют появление двойника главного героя и в романе А. Столярова «Не знает заката». Со своим двойником герой-рассказчик встречается в кафе. В данном случае двойник героя - это он сам много лет назад. В кафе, бывшей булочной, где рассказчик бывал в студенческие годы, он видит своего двойника с приятелем, пьющими кофе из гранёных стаканов. Этот анахронизм сразу бросается ему в глаза и заставляет наблюдать за странными молодыми людьми: «Парень, сидящий ко мне лицом, повернул голову и посмотрел в мою сторону. Меня, могу поручиться, он в данную минуту не видел, но под этим взглядом, казалось, протянувшимся из невероятного прошлого, я, как во сне, поднялся, взялся за ручку двери и очутился на улице. <...>

Этим парнем со смешными реденькими усиками на губе был я сам» [Там же].

Ситуация встречи с двойником обусловлена в романе актуализацией в сознании героя воспоминаний о прошлом: он вернулся из Москвы в Петербург, где он родился и вырос. Воспоминания о людях и местах вкуче с «тёмными петербургскими галлюцинациями», тревогой героя, оказавшегося на пороге Сумеречной страны, невидимой части Петербурга, порождают в его представлении двойника, который воспринимается им как необходимый этап расставания с прошлым: «...дань прошлому, тревожившему меня, теперь отдана, брошен прощальный взгляд, совершён обряд расставания. Более оно не будет заслонять настоящее. <...> Ностальгия полезна лишь малыми дозами, гомеопатически, иногда - чтобы дымка ретроспективы оттеняла сегодняшние реалии. Это правильно. Это придаёт жизни большую глубину» [Там же].

Мистика Петербурга порождает двойников и в романе Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра», в котором двойничество названо «одной из любимых игр архипелага»: «Встречались в нём по два, а то и по три острова с одним и тем же названием; давались одни и те же имена также разным рекам, - дабы топонимами запутать всё окончательно и сбить с толку противника» [2].

Двойничество может развиваться по двум линиям - раздвоение или удвоение существа. В данном случае мы наблюдаем линию удвоения. Предостережение от нежелательной встречи с таким пугающим аспектом петербургской метафизики обретает форму чёткой рекомендации петербуржцам:

«Есть некие дни в году, когда архипелаг святого Петра наводняется двойниками.

Не смотрите в зеркала лишний раз в подобный день, ваше изображение готово пуститься в автономное плавание, стоит вам зазеваться» [Там же].

Настасью встреча с её двойником не встревожила:

«Мы имеем дело с архипелагом двойников, мэ. <...> Не встречался ли вам когда-нибудь на эспланаде, в Летнем саде, на Кокушкином мосту либо в автобусной давке, не говоря уже об очереди за капустой или за осенними баретками, ваш собственный двойник? Ваша незарегистрированная близняшка?

- Да, да! Конечно! Однажды в метро на эскалаторе в другую сторону она мне и попалась. Мы даже заглядели друг на друга и ручками помахали. Она была повыше, вся покрупнее, нос другой, - но очень похожи, очень! Она красивее, и, представь себе, тоже в мужской шляпе» [Там же].

Здесь вновь наблюдается совмещение гоголевской и Достоевской традиций представления двойничества. С одной стороны, этот феномен обусловлен петербургской топонимикой и мистикой городского пространства (Гоголь), с другой стороны, в романе звучит мотив избранности, необычности главных героев Настасьи и Валерия, обладающих даром видеть, замечать и слышать то, что неведомо другим людям, то есть дело в обострённом восприятии героев (Достоевский).

Таким образом, можно заключить, что двойничество как один из феноменов петербургского литературного мифа в русской прозе 1990-2000-х годов сохраняет принципиальные особенности своего воплощения в художественных произведениях, намеченные Н. Гоголем и Ф. Достоевским. Характерной чертой произведений современной русской прозы о Петербурге является синтетическое единство в рамках одного произведения гоголевской и достоевской линий в представлении темы двойничества.

Список литературы

1. Вересов Д. Третья тетрадь: роман-отражение. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2010. 315 с.
2. Галкина Н. Архипелаг Святого Петра [Электронный ресурс] // Нева. 1999. № 4. URL: <http://www.litru.ru/?book=36029&description=1>
3. Ермаков И. Д. Двойственность: глава из неопубликованной работы «Ф. М. Достоевский. Он и его время» // Советская библиография. 1990. № 6. С. 100-110.
4. Махлин В. Л. К проблеме двойника (прозаика и поэма) // Философия М. М. Бахтина и этика современного мира. Саранск, 1992. С. 88-100.
5. Солженицын А. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7. С. 135-176.
6. Столяров А. Не знает заката [Электронный ресурс] // Нева. 2005. № 10-11. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/10/sto2.html>